

Эшиев А.К., Алимова А.О., Талипова Д.С.

ОТЦОВСТВО КАК ФЕНОМЕН ГЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

A.K. Eshiev, A.O. Alimova, D.S. Talipova

FATHERHOOD AS A PHENOMENON OF GENDER STUDIES

УДК: 101.3. 305 (055.1)

Макалa гeндepдик изилдөөлөрдөгү аталык маселесинин ордун изилдөөгө арналган. Авторлордун айтуусу боюнча аталган маселелер кыргыз изилдөөлөрүндө аз кездешет ошондуктан аларды феномен катары көрсө болот.

Статья посвящена вопросу отцовства в гендерных исследованиях. По мнению авторов, данные темы редко поднимаются в кыргызских исследованиях, поэтому их можно назвать феноменом в гендерных исследованиях.

The article focuses on fatherhood in gender studies. According to the authors, these topics are rarely raised in the Kyrgyz studies, so they can be called a phenomenon in gender studies.

В последнее время появились исследования по такому вопросу, как отцовство, которое в гендерной литературе даже называли феноменом. В связи с этим рассмотрим типы отцовского поведения в контексте нормативной модели традиционной мужественности. В наборе черт нормативной мужественности нет упоминаний о родительской роли мужчины, поскольку акцент сделан на освоение внесемейных ролей.

Можно выделить одну из главных характеристик отцовского поведения, отвечающую традиционной модели нормативной мужественности, – отцовская позиция и ролевое поведение выступают как противоположные материнскому поведению.

Анализ научной литературы [1, 2], посвященной проблеме связи отцовства и маскулинности, позволил выделить два наиболее распространенных типа отцовского поведения, опирающегося на нормативную модель традиционной мужественности:

– «традиционный отец» (отец «старых времен»), который заботится о своей семье как руководитель;

– «отсутствующий отец» (т.е. отсутствующий, прежде всего, в психологическом плане, он может присутствовать физически, но быть почти не связан с отцовством).

Рассмотрим более детально выделенные типы отцовского поведения. «Традиционный отец». Гендерная роль отца, хотя и весьма различающаяся в разных культурах, сводится к следующим главным функциям: 1) обеспечение семьи/детей; 2) защита семьи/детей; 3) утверждение родительской власти как средства воспитания детей, приучение детей к дисциплине, порядку, в случае необходимости – наказание детей [3, с. 98].

Традиционная «правильная» модель мужчины связана, прежде всего, с его работой и успехом как кормильца семьи: мужчина должен трудиться без

устали, делать карьеру, зарабатывать деньги, по возможности быть успешным и в семейной жизни. Но, главное, – мужчина обязан кормить семью. Сознательно или интуитивно мужчины следуют данной модели. При этом ограничиваются возможности мужчин для освоения других моделей ролевого поведения.

Другой важный аспект традиционной роли отцовства – это руководящие функции в семье. «Традиционный» отец заботится о своей семье как руководитель, наставник, персонификатор власти. Такой глава семьи всегда эмоционально сдержан, часто суров и строг, он ориентирован не на физический уход и заботу о детях, а на реализацию властных полномочий в своей семье. В семьях с традиционной моделью организации отношений дети дошкольного возраста обычно находятся на попечении матери. С семилетнего возраста детей начинает проявляться специфика в родительском влиянии в зависимости от пола ребенка: матери занимаются воспитанием девочек, подготавливая их к ролям матери и жены, а отцы основное внимание уделяют развитию мальчиков, прививая им полезные для жизни навыки, формируя трудовые умения и передавая опыт в конкретной сфере профессиональной деятельности [4, с. 232].

Как правило, логическим продолжением отцовского поведения традиционного типа является тип поведения «отсутствующий» отец. Отцовство для таких мужчин означает лишь принадлежность к семье. «Отсутствующий отец» – это отец, который практически не включен в повседневную жизнь своего ребенка/детей либо утратил контакт с детьми вследствие развода. Другими словами, отсутствующий отец – это мужчина, не имеющий психологического или физического контакта со своими детьми.

Феномен отсутствующего отца наиболее широко был представлен в нашей стране в советское время. Нормативная модель маскулинности обязывает мужчину быть первым везде и во всем, но соответствовать данному канону крайне тяжело. По мнению исследователей родительские права мужчин нарушались. Так, Ж. Чернова в качестве причин дискриминации мужчин как родителей выделены следующие факторы: брачно-семейное законодательство; идеологическая и социальная поддержка родительства (главным образом как материнства); государственная мобилизация мужчин, исключая их из сферы приватности; распространенность традиционных гендерных стереотипов, усугубленных гендерной политикой советского государства. Государство рассматривало мужчину/мужа/отца в качестве провод-

ника своей политики в семье и при этом значительно ограничивало возможности для самореализации мужчин в частной сфере, предоставляя им небольшой набор легитимных социальных ролей, в основном связанных с «внешним», публичным миром, – роль «труженика» и «защитника Родины». Сложившаяся практика нарушения прав отцовства наряду с невозможностью реализации мужчинами роли монопольного кормильца и доминированием женщин в приватной сфере явилась, по мнению исследователей, причиной кризиса маскулинности и отчуждения мужчин от отцовства [5, с. 78].

Эмпирические исследования, проведенные Т. А. Гурко, свидетельствуют о том, что возникшая в советское время традиция отчужденного отцовства воспроизводится и в последующие десятилетия. Подобное исполнение отцовской роли в наибольшей степени характерно для мужчин, работающих в «старом» секторе экономики и занятых трудом невысокой квалификации. Они не видят перспективы передачи детям своих навыков и того, чему их учили родители, у них значительно снижен интерес к занятиям с детьми (как с сыновьями, так и с дочерьми). Такие отцы, по свидетельству матерей, демонстрируют худшие образцы самоутверждения в своей маскулинности – авторитарность, агрессию, насилие, уход в алкоголизм; основная стратегия общения с подростками – запреты и наказания вместо поощрения и демонстрации положительных видов деятельности [6, с. 134].

Обусловленность реализуемой модели отцовского поведения традиционным каноном маскулинности подчеркивается и И.С. Коном: «Физическое отсутствие отца в патриархальной семье, его отстра-

ненность от ухода за детьми – не только следствие его внесемейных обязанностей или его нежелания заниматься подобными делами, но и средство создания социальной дистанции между ним и детьми ради поддержания отцовской власти» [7, с. 315].

Объединяют два рассмотренных выше типа поведения отцов (приверженцев традиционной модели маскулинности) следующие черты: нерегулярные контакты с детьми, отстраненность от ежедневных забот о детях, доминантность в отношениях с детьми, эмоциональная сдержанность и холодность в межличностных контактах. Все эти особенности поведения отцов разительно отличаются от традиционного типа материнского поведения.

Литература:

1. Гретч, А. Секретный язык мужчин. - М.: Эксмо, 2004.
2. Магун, В. С. Нормативные взгляды на семью у россиян и французов: традиционное и современное. // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. Вып. 2 / Науч. ред. С. В. Захаров, Т. М. Малева, О. В. Синявская. - М.: НИСП, 2009.
3. Гурко, Т. А. Трансформация института родительства в постсоветской России: автореф. дис. д-ра соц. наук. – М., 2001.
4. Кон, И. С. Мужчина в меняющемся мире. - М.: Время, 2009.
5. Чернова, Ж. Модель «советского» отцовства: дискурсивные предписания. // Российский гендерный порядок: Социологический подход / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. - СПб.: Изд-во Европ.ун-та в Санкт-Петербурге, 2007.
6. Гурко, Т. А. Брак и родительство в России. - М.: Ин-т социологии РАН, 2008.

Рецензент: д.соц.н. Бектурганов К.